

работѣ почтеннаго изслѣдователя значеніе надежнаго руководства во все расширяющейся области русской діалектологіи. Послѣ устарѣвшей теперъ статьи Потебни «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», трудъ г. Соболевскаго—единственный въ нашей ученой литературѣ, посвященный вообще русской діалектологіи.

Важное значеніе труда г. Соболевскаго накладываетъ на рецензента обязанность всесторонне рассмотреть его въ общихъ его основаніяхъ и въ частностяхъ. Но въ настоящей замѣткѣ ограничиваюсь указаніемъ нѣкоторыхъ неточностей, допущенныхъ по моему мнѣнію, авторомъ этого замѣчательнаго и по замыслу и по исполненію труда.

Прежде всего желательно бы видѣть въ этомъ опытѣ русской діалектологіи характеристику не только московскаго говора и говоровъ сѣверно-великорусскихъ, но и всего великорусскаго нарѣчія, въ отличіяхъ его отъ бѣлорусскаго и малорусскаго. Можетъ быть, характеризуя такимъ образомъ все великорусское нарѣчіе, а затѣмъ въ частности поднарѣчіе южно-великорусское, авторъ уже въ началѣ своего труда установилъ бы ту правильную точку зрѣнія на бѣлорусское нарѣчіе, которую мы находимъ у него на с. 70, гдѣ читаемъ: «бѣлорусское нарѣчіе—не болѣе, какъ *третье*, западное, или акающе-дзekaющее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ». Мнѣ кажется, что это опредѣленіе автора не согласовано съ положеніями, выставленными на первыхъ страницахъ изслѣдованія, гдѣ между прочимъ (с. 8) читаемъ: «великорусское нарѣчіе ясно дѣлится на *два* поднарѣчія, сѣверное и южное, *окающее* и *акающее*». Не могу согласиться съ г. Соболевскимъ, когда онъ на с. 6 говоритъ, что сѣверозападная и южная части Смоленской губ. говорятъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная—Вяземскій, Гжатскій, Сычовскій и Юхновскій уѣзды—повеликорусски. Оставляя въ сторонѣ то обстоятельство, что на